

Приложение 1

Подборка стихотворений Н.А. Энгельгардта со вступительной статьёй

«Второе признание труженика...»

Николай Александрович Энгельгардт родился в Санкт-Петербурге 17 февраля 1867-го года. Будучи сыном известного химика, автора писем «Из деревни» Александра Николаевича и писательницы Анны Николаевны, он уже в юном возрасте ощутил в себе дар слова и прочно связал свою жизнь с литературой. Подводя итоги своего творческого пути, Николай Энгельгардт составил план полного собрания сочинений, включавшего в себя 38 томов.

Прожив с лета 1874-го три года в Батищеве, Коля Энгельгардт уехал в Петербург учиться, а затем сестра привезла его в Смоленск, где он продолжил учёбу в местной классической гимназии.

«Каждый шаг открывал исторические следы в этом городе, пробуждавшие воспоминания минувшего». История и поэзия мирно сосуществовали в душе подростка. С 1882-го по 1885-й годы юный поэт работает над созданием лирико-эпической поэмы «Часы бессмертия. Исторические картины Смоленска», которая, к сожалению, не была закончена и сохранилась лишь в отрывках.

По окончании гимназии Энгельгардт едет в Петербург, поступает в Лесной институт, но вскоре осознаёт, что его истинное призвание – это литература, и, не окончив курса, посвящает себя полностью художественному творчеству.

В декабре 1889-го года вышли в свет две его книги (одна – проза, другая – стихотворения). Стихотворения Энгельгардта с 1890-го по 1893-й годы печатались в различных журналах.

Начинающий литератор зарабатывал переводами, а затем приступил к работе над своим собственным романом – «Люди разного безумия», который в 1896-м году в сокращённом виде был опубликован в «Книжках “Недели”».

Помимо художественного творчества Энгельгардт занимался журналистикой, сотрудничая с различными газетами и журналами. Он писал о современной жизни, критикуя её недостатки, пытаясь словом «жечь сердца людей», просвещать их.

В «Русском вестнике» был напечатан роман Энгельгардта «Под знаком Сатурна». В нём силён обличительный пафос, на многих страницах книги писатель выступает как сатирик, изображая мещан уездного города, неумело хозяйствующих на земле помещиков, петербургских чиновников и «литературный бомонд».

Широкий отклик общественности получили выступления Энгельгардта с докладом под названием «Критический анализ русского неомарксизма», проходившие в течение трёх вечеров в заполненной до отказа зале. Начиная с 1900 г. Энгельгардт в течение полутора лет пишет «Историю русской

литературы XIX столетия», в «Русском вестнике» публикуется его работа «Земля и государство» (в ней автор доказывает, что фундаментом российской государственности являются народная община, православие и монархическое правление). В романе «Под знаком Солнца» писатель предпринимает попытку изображения положительного героя своего времени, создаёт образ барона Фабиана, немца, влюблённого в Россию и в русский народ.

Состоя членом монархического общества «Русское Собрание», в декабре 1904 г. Энгельгардт в составе депутации встречается с Государем. В период с 1905 по 1914 гг. им были написаны почти все его исторические романы, первостепенное значение которых в своём творческом наследии осознавал и сам автор: **«Мои бытовые романы были напечатаны, читались, но лишь обратившись к историческому жанру, я почувствовал некоторую силу пера, и успех моих исторических романов был гораздо явственнее».**

Первым историческим романом Энгельгардта было «Московское рушение». Затем в «Историческом вестнике» вышла повесть под названием «Шкловские ассигнации». В этом же журнале были опубликованы романы «Окровавленный трон», «Екатерининский колосс» и «Граф Феникс». Газета «Россия» опубликовала повести «Смоленское разорение» и «Огненную купель», посвящённые событиям 1812-го года.

К сожалению, лишь четвертая часть исторической беллетристики Энгельгардта увидела свет. В 1915-м – 1916-м годах Энгельгардт работал над «Историей русской цивилизации», которая тоже не была опубликована. Такова же судьба и 10 поэтических сборников Энгельгардта (стихотворения он писал в продолжение всей творческой жизни) – помимо первого, не был издан ни один из них.

В «Историческом вестнике» печатались очерки «Давние эпизоды», которые литератор писал в связи с собиранием материалов по истории своего рода. В конце 1916 года Энгельгардт переживал духовный кризис, чутко реагируя на происходящее крушение того, что было для него – горячего патриота России – основой её государственности, – монархии.

Любовь к России – стержневая черта Энгельгардта. Поэтому, даже будучи убеждённым монархистом, он не покинул страну после революции. **«Остаться, терпеть, верить в свой народ, трудиться – значило сохранить своё человеческое достоинство, завоевать себе звание гражданина народной великой республики... И это значило заплатить долг народу и очистить себя».**

До выхода на социальную пенсию в январе 1931-го года он преподавал в Институте живого слова, состоял сотрудником статистического бюро, работал лектором в клубах, был учёным библиографом в целом ряде учреждений.

Ещё в 1917-м году Энгельгардт попробовал себя в качестве драматурга. Его первая пьеса, «Любительница голубой мечты задумчивости», написанная

по мотивам древних преданий Китая, в 1922-м – 1924-м годах шла на сцене Государственного передвижного театра П.П. Гайдебурова и Н.Ф. Скарской.

Вслед за ней появились сценическая версия переведённой самим драматургом поэмы Сюлли-Прюдома, пьеса о современности, водевиль на китайскую тему и цикл исторических шутотрагедий из 13 пьес, охватывающий своим содержанием почти полуторавековой (с 1762-го по 1905-й гг.) период жизни страны. Каждая из пьес иллюстрирует собой кровавое событие истории России, а их совокупность демонстрирует последовательное движение монархической империи к своей гибели, которая с каждым новым злодеянием становится всё более неотвратимой. Несмотря на одобрительные отзывы, все эти пьесы так и не были поставлены на сцене.

Энгельгардт выступал не только как автор, но и как теоретик драмы. Свою теорию драмы он строил на основе модернизированных классических «трёх единств», прибавляя к ним четвёртое – «единство идеи». Драматургическая тема, по Энгельгардту, должна развиваться многопланово во взаимодействии семи потоков: красочном, звуковом, речевом, людском, идеологическом, немом и потоком, именующимся «панорамой кино».

Другой гранью творчества Энгельгардта продолжала оставаться история литературы. Поле его исследовательского интереса было заметно расширено. Результатом работы стал труд «От певца Баяна до Александра Блока. Очерки истории русской литературы с древнейших времён до наших дней».

Последний этап творчества Энгельгардта связан главным образом с написанием воспоминаний под названием «Эпизоды моей жизни». Обширные литературные и околотрагические связи самого писателя и его ближайших родственников обуславливают интерес исследователей к этим мемуарам: Энгельгардт состоял в браке с первой женой К.Д. Бальмонта, его зятем был Н.С. Гумилёв, его первенца-сына крестил Вл.С. Соловьёв, родственные узы связывали семейство Энгельгардтов с М.Е. Салтыковым-Щедриним, судьба подарила Н.А. Энгельгардту встречи с Л.Н. Толстым, Н.А. Некрасовым, Ф.М. Достоевским, А.Н. Плещеевым, Я.П. Полонским, А.П. Чеховым, Н.И. Вавиловым, В.В. Розановым и др.

Преданность своему народу и своей стране Энгельгардт хранил до смерти. **«И только в минуты братского единения с народом я становлюсь причастным океана бесконечной гигантской жизни, и во мне открывается высший смысл народного страстотерпства, а чрез это и моя уединённая жизнь приобретает смысл».**

В 1942-м году престарелый писатель умер в блокадном Ленинграде вместе с женой, дочерью и внучкой, разделив участь тысяч своих сограждан.

Особый интерес произведения Н.А. Энгельгардта представляют для смолян. Хотя писатель родился в С.-Петербурге и прожил в нём большую часть своей жизни, он ощущал себя смолянином. В этом статусе его воспринимали и окружающие. Показательно, что свои мемуары, создаваемые

им с 1935 – по 1939 гг., когда он уже не покидал Ленинграда, неожиданно подписаны: «Из Батищева». Эта подпись в силу фактического несоответствия с действительностью приобретает особую значимость.

В последние десятилетия имя Энгельгардта выходит из небытия. Издаются исторические романы («Окровавленный трон», «Граф Феникс», «Екатерининский колосс»), отрывки из воспоминаний, в поле зрения литературоведов попала его «История русской литературы XIX столетия».

Можно сказать, что в некоторой степени оказываются пророческими по отношению к нему самому слова Энгельгардта о специфике писательского труда и взаимоотношений с читателем: **«Во время отлива напрасно бранить море или умолять его возвратиться. Надо терпеливо ждать, час прилива наступит в своё время. Для каждого честного, искреннего писателя, положившего в мысль всю свою жизнь, этот час всегда наступает. Пристрастие критики, счёты “своего прихода”, мелочи жизни, предрассудки, всё отходит. Наступает как бы второе признание труженика, который сам давно примирился с покрывшим его забвением».**

Предлагаемая поэтическая подборка содержит и то, что ещё никогда не публиковалось – фрагмент поэмы «Часы бессмертия. Исторические картины Смоленска».

Жирным во вступительной статье выделены цитаты из неопубликованных мемуаров Н.А. Энгельгардта «Эпизоды моей жизни».

«Как поэт, я не принадлежал школе символистов и декадентов. Я проникнут был началами классического реализма и, если хотите, был русским “парнасцем”». Н.А. Энгельгардт

Быть может, есть прекрасней и богаче
Благословенная, роскошная страна,
Где дважды в год с полей снимают жатву,
Где зреет золотистый апельсин,
Где люди веселее и красивей,
Лазурнее и выше небеса...
Быть может, есть... Но ты милей и краше,
О, родина суровая моя!

Я помню стены старого Смоленска
И башни ветхие; я помню день,
Когда впервые синий Днепр увидел...
И я взошёл на этот вал высокий,
Политый кровью вражеской и нашей!
У ног моих лежал весёлый город...
Я посмотрел на дальние холмы,
Поросшие кустарником зелёным –
Оттуда враг громил когда-то город...
И я бродил вдоль старых, славных стен:
На них росли деревья вековые,
И гнёзда вили ласточки в бойницах...
Я был один. Ложился бледный сумрак.
Свивался над Днепром седой туман.
И призраки минувшего вставали...
И камни говорили о былом...
И шелестели листья: мы растём
На крови здесь погибших смертью славной...
И в эту ночь, когда толпами тучи
На небе грозном медленно влеклись,
И глухо жизнь роптала подо мною
На тёмных улицах, – моя душа
Величие твоё переживала,
Отечество! И полня любви,
В задумчивости сладкой трепетала...

Я дома... Как в дубравах пусто, голо!

Поля покрыты снегом, ветер воеет –
Душа моя болит!

 Давно ли здесь
Цветы пестрели, и в кустах зелёных
Зарёю рокотали соловьи!
Печальные места! Ещё недавно
Здесь был измят ковёр травы шелковой
Её стопою лёгкой; стройный стан
В стекле ручья зарёю отражался,
И ветер, пролетая по долине,
Играл её кисейною повязкой...
Теперь... метелица шумит и злится,
И небо серое висит уныло
Над мёртвою землёй... Так всё проходит!
Весну сменило лето, там и осень,
За осенью – холодная зима...
Цветы увяли, птицы улетели,
Осиротело сердце...

Сеть паук плетёт прилежно
В тёмной зелени ветвей,
И крылом коснувшись нежным,
Муха смерть находит в ней...

Опьянительную влагу
Копит в чашечке цветов –
За безумную отвагу
Жизнью платит мотылёк...

Всё, что мучит, всё, что манит
Опьяняющей красой,
Верь – поймает и обманет...
Грудь изноет, сердце свянет,
Словно колос под косой...

За блаженство жгучей ласки,
Негу сладостной любви,
В час мучительной развязки
Сердце бедное в крови...

Тишиной заворожённый,
Полон тайны и чудес,
Разметался тёмный лес,

В сон полудня погружённый.

Лишь порою пробежит
Дрожь зелёными листьями,
Лишь, играя с облаками,
Ель вершиной прошумит.

Здесь под сению прохладной
Густолиственных ветвей,
Пел я с музою моей
Гимн могучий и отрадный.

Здесь впервые я внимал
Кроткой музы наставленья
И душою постигал
Чудный мир воображенья.

И всегда качался лес,
Полон тайны и чудес.

В таинственной глуши
Задумчивого леса,
В бесчисленных ветвях
Дерев его могучих,
Во влажном мхе болот –
Жизнь вечная ликует
И бьёт живым ключом.

Друг друга обгоняя,
Отростки молодые
Неудержимо рвутся
На волю, на простор –
Шуметь вершиной гордой,
Бороться с буйным ветром,
И на стволе высоком
Раскачиваясь плавно,
Вести беседу чинно
С соседями своими.

С утра до поздней ночи
Поют, летают пташки,
Проворно скачут белки,
И жалобно кукушка

Кукует вдалеке.
Во рвах, в траве высокой,
Тёмно-зелёной, сочной,
Синеют незабудки,
Белеет нежный ландыш.

А ночью... Месяц бледный
Дрожащими лучами
Поляны озаряет.
Всё спит. Встают туманы.
Неведомые звуки,
Неведомые тени
Роятся и ползут...
Как опустелый город,
Торжественно безмолвен
И страшен тёмный лес.

Днепр.

Днепр широкий, Днепр глубокий
На хребте своём могучем
Приносил войну когда-то
Под твердыни Цареграда.

А теперь, уснув навеки,
И спокойный, и ленивый,
Плещет он у стен Смоленска,
Охраняя старый город.

Он качается и дремлет...
Он забыл былую пору...
Тихо ропщет, тихо шепчет,
Омывая плёсом мели.

И в таинственные воды
Робко девушка бросает
Свой венок благоуханный
Из ветвей берёзы свитый.

Умиравший музыкант.

Прорыдали с тихой скорбью
И навек умолкли звуки...
То аккорд последний взяли
Холодеющие руки.

Тот, кого любили боги,
Песням музы обучали.
Просветлённый, покидает
Мир страданий и печали...

На мгновенье пронеслася
Перед ним вся жизнь и снова,
Снова всё заговорило.
Стало живо, стало ново...

Каждый звук, им извлечённый,
Каждый образ, им созданный,
Возникая, распускался,
Как цветок благоуханный!

Но туман окутал память
Непроглядной пеленою...
Останавливает сердце
Смерть дрожащею рукою!

Отечество

Суровый край! Туманны небеса,
В полях шумят жестокие метели,
Обнажены пустынные леса:
Там сосны вековые поседали,
Там щёлкает зубами волк голодный,
Ломая сучья, ветер гудит свободный,
И на заре рассерженно и глухо
Звучат удары тяжкого обуха...

Суровый край! Печальные напевы,
Протяжные, как старой пряжи нить;
Здесь холодны к мольбам немые девы,
Здесь не умеют юноши любить...
В глуши степей, под ветра вой печальный,
Жизнь тянется, как поезд погребальный.

Здесь молодость безрадостна, темна,
Как придорожный цветик, увядает!
И коротки здесь лето и весна,
И глубоко здесь почва промерзает...
Но как свою берлогу зверь мохнатый,
Как жёсткое гнездо орёл крылатый,

Как рыба холод мутной, злой волны –
Край этот любят и его сыны!

Срубленная берёзка

(баллада)

Под лучами весеннего солнца,
На зелёной широкой полянке,
Одевается клейкой и нежной
Молодая берёзка листвою.
Белоснежный, высокий и гибкий,
Не разбитый осеннею бурей,
Не согнутый зимою-старухой,
Стан красавицы нашей так строен.

На заре, умываясь росой,
Расправляет упругие ветви
Молодая берёзка, и дышит
Свежей влагой затишья лесного.
И дрожит, смущена поцелуем
Ветерка, пролетевшего мимо.

А кругом её старые сосны
И могучие, древние ели
Сторожат красоты непорочной
Юный, чистый расцвет и тихонько
Помогают главами над нею.

Соловьи величавые песни
В честь берёзки прекрасной слагают,
И жуки прилетают толпами
В гости, в сумерки, к ней, позабавить,
Поболтать с ней про вести лесные,
Вкруг неё поплясать хороводом.

Что ни день, то свежей и прекрасней
Становилась берёзка, но, горе!
Этот первенец леса невинный
До горячего лета не дожил,
И погиб, подрублённый под корень
Топором мужика-дровосека!

Плакал лес... Неподвижные сосны
В горе острые иглы роняли,
По стволам их смолистые слёзы

Непрерывным бежали потоком...

Плакал лес... Далеко разнеслася
Весть о смерти весёлой берёзки.
И сложили печальную песню
Соловьи – трубадуры лесные...

Где росла она, холм величавый
Муравьи воздвигают, а мимо
Ручеёк серебристый катится –
То берёзки загубленной слёзы...

Ширь необъятная,
Воля, простор –
Тобой, благодатная,
Тешится взор.

Травы высокие
Ветер погнёт,
Голубоокие
Цветики мнёт.

Днепр чрез зелёные
Топа болот
Воды студёные
Тихо несёт.

Вон там над склонами
Дальних холмов,
Вместе с воронами,
Искры крестов.

Чу, заливается
Песня далёкая!
В ней отзывается
Воля широкая...

Там песня моя раздаётся,
Где в зелени тёмной смеётся,
На ветвях плакучей берёзы,
Русалка в мерцании ночи –

Смеётся, и очи русалки –
Зелёные влажные очи –
Роняют холодные слёзы...
И в чашечке синей фиалки,
В бесценный сливаясь камень,
Те слёзы дрожат и сверкают
И юной зари отражают
Стыдливый и девственный пламень.

Там песня моя раздаётся,
Где ключ так печально лепечет.
В овраге, во мху потаённый;
Где с камня на камень несётся,
И пену жемчужную мечет
Поток, непогодой рождённый;
Где сладко-пахучие травы,
Поляны цветами пестреют,
В тени молчаливой дубравы
Над ландышем бабочки реют.

Там, там моя песня родилась,
Как звёздочка с неба скатилась,
Как яркий цветок распустилась!

Победитель.

(Баллада).

Целый день в саду зелёном
Молоточком бьёт кузнечик:
Он куёт вооруженье
Своему меньшому сыну.

Сын лежит, задравши ноги,
В лопухах, в тени широкой.
Он лежит и грезит сладко,
Знойным полднем опьянённый.

Грезит он: собралось много
На турнире насекомых;
На широкую поляну
Месяц льёт своё сиянье.

Комары трубят, и стройно

На арену выступают
Кузнецы, жуки, медведки,
Все закованные в латы.

Против них, большеголовый,
Перетянутый, блестящий,
Словно вымазанный маслом,
Муравей один выходит...

Да, один! Несокрушима
Сила челюстей могучих!
Весь, свирепый, он пропитан
Смертоносным, жгучим ядом!

Но смотрите! Вот кузнечик
Из толпы выходит смело –
Озарённый лунным блеском,
Он подобен изумруду.

Он кидается отважно
На лесного великана...
Миг – и талия злодея
Порвалась как нить гнилая!

Затрубили громко трубы,
Их покрыло стрекотанье
Сотен челюстей и крыльев
Восхищённых насекомых.

«Слава, слава, наш кузнечик!
Ты герой в саду и в поле!»
Машут бабочки крылами,
Но на них герой не смотрит! –

Он стоит среди арены,
Полон гордого восторга.
Озарённый лунным светом,
Он подобен изумруду.

В водах глубоких
Немые рыбы,
В кружок собравшись,
Дремали тихо.

Из-за деревьев
Луна сияла.
И шевелился
Тростник зелёный,
И сквозь плотину
Вода сочилась,
И тени
Берёз высоких
Через дорогу
Перетянулись,
И отдавались
Так чётко, звонко
Шаги мои.

Поля пустынные,
По деревням
Огни потухли,
Усадьбы спят.
На лунном свете
Уселась жаба
И спину греет...
Немая ночь!..
Стою и жду –
Вот захохочет
Вдали русалка!

Вот пронесётся
Призыв звенящий
И полетят
Толпами духи
И в хороводах
Начнут плясать...

Но всё спокойно...
Напрасно ухо
Так напряжённо
И жадно ловит
Малейший шорох,
Напрасно очи
В дали туманной
Чего-то ищут –
Деревни тихи,
Поля пустынные...
И мёртвым сном
Усадьбы спят...

Закат

Расплылись в тонах прозрачных
Краски яркие заката,
Затишающую землю
Обнимает бледный сумрак.

Так и краткий миг блаженства,
Яркой радости – минует...
Успокоенную душу
Грусть привычная обымет.

Ароматом напоенный,
Свежий воздух не дрогнёт;
Пруд, дубами осенённый
Не колыхнет лона вод.

А в дали ещё туманной
Лес нахмуренный стоит,
И Авроры лик румяный
Тихой радостью горит.

И прекрасна, и уныла
Ты, родная сторона!
Что за воля, что за сила
Надо мной тебе дана!

Вот зима – поля и нивы
Спят в постели снеговой
И ручей нетерпеливый
Скован мачехой-зимой.

Ветер с песнею унылой
Подымает снег в дали,
И замкнуты вражьей силой
Недра матери земли.

Подожди – и всё проснётся!
И мгновенно край родной
Пред тобою развернётся
Полдня жаркого страной.

Зацветут поля цветами,
Грянут хоры соловьёв,
И заплещутся струями
Воды быстрые ручьёв.

И прекрасна, и уныла
Ты, родная сторона!
То – холодная могила,
То – горячая весна.

Я твой сын, ты мне шептала
Из лесов, из мглы седой,
Ты с метелицей певала
В чистом поле надо мной:

«Если есть, о сын скорбящий!
У тебя в груди, в крови
Веры ключ животворящий,
Огонь божественной любви, –

Отогрей огнём святыни
Мой страдальческий народ,
И тогда в мои пустыни
Лето вечное придёт!»

Я уйду. В дали туманной
Чужбина тёмная лежит,
Она какой-то силой странной
К себе меня зовёт, манит.
Как проживу я на чужбине?
Прости, родимая страна!
Суровый ветер шумит в долине,
Мокра дорога, ночь темна.
И придорожные берёзы,
Печально шелестя листвою,
Холодные роняют слёзы,
Качают мрачно головой.

Розы, лавры и лилеи
Богу песен всех милее

Юга жаркого цветов!

Мне ж гвоздики полевые,
Незабудки луговые,
Ландыш – первенец лесов.

Кедры гордые Ливана,
Для поэтов Тегерана,
Всё затмили красотой!

Мне же – ель, сосна родные,
Да берёзы молодые
Милы зеленью простой.

В час, когда под секирою первое дерево пало,
Тихо оно простонало – и лес содрогнулся...
Трепет по зыбким вершинам от края до края
Вдруг пробежал; торопливо листья зашептали,
Светлый ручей прозвенел, откликнулось эхо;
Ветер далёко разнёс по холмам и широким долинам
Скорби медлительный звук – и пустыня стонать научилась...

Величие божие

*Кто предварил Меня, чтобы Мне воздавать ему?
под всем небом все – Мое.*

Иова, XLI, 1-2.

Человек

Я – дух и во главе бесчувственной вселенной
Живу сознательно, свободный и нетленный.
Исчислил я миры; измерил глубь небес.
Нет тайн для разума, для сердца нет чудес!
Я в облаках лечу. Я гладь морей волную.
В пустыни львов прогнал. Прорезал грудь земную.
Вокруг земли я сеть стальных путей связал
И молния теперь покорный мне вассал.
Я над тобой смеюсь – игра стихий слепая,
Машина мертвая, бесцельная, тупая!
Я царь твой, о земля!

Земля

Ты – червь. В моей пыли
И прахе зарождён. Тебя сгубить могли
И голод, и чума, и трус, и наводнение,
И если ты живешь, надменное творенье,
То это я тебе, ничтожество, даю
И влагу, и тепло, и хижину твою.
Вздоргну я – ты умрёшь, объятый бледным страхом,
Потопленный в волнах иль занесённый прахом.
Через многие века все так же я сильна,
И каждый новый день и новая весна
Свидетели моей неистощимой мощи.
Всё так же зелены мои леса и рощи;
В эфире и водах кишат тьмы тем существ;
Не прекращается круговорот веществ;
Из желудя я дуб могучий извлекаю;
Из мертвого кремня огонь я высекаю;
Кипит в моей груди расплавленный металл,
Дымятся кратеры и тают глыбы скал
И опускаются, шипя, в морские бездны,
А я, беспечная, несусь в пространствах звездных.
Властительница я. От века мне дана
В рабыни бледная, прекрасная луна...

Солнце

Молчи! вокруг меня планет ничтожных стая
Вращается и я, торжественно блистая,
Даю им жизнь и свет, движение и связь.
Я твой закон – хаос! Я вечный огонь, о грязь!
Я пламенем дышу среди вселенной бурно.
Малейший мой вулкан и Землю, и Сатурна
Разрушит и в пары мгновенно обратит
И только столб огня на месте том взлетит.
Взирайте на меня! Я жизнь даю планетам
И насыщаю весь эфир теплом и светом.
Вселенная умрёт, коль я огня не дам...

Сириус

Что атом говорит? А, это Солнце там...
Надменное вдали едва, едва лишь блещет,
Средь беспредельности чуть зримое трепещет.
Песчинка вспыхнула – сейчас сгорит совсем.
Кругом нея блестит пылинок восемь-семь.
И эта звёздочка в пространстве так ничтожна,

Что ей с гигантом-мною равняться невозможно.
Лишь восемь спутников!.. в орбите у меня
Есть сотни лун и сфер из чистого огня...

Комета

Вселенной судия, мерило вечной ночи
Лечу! Посторонись! Не то засыплю очи
Обломками планет, залью огнем паров
От сгибших некогда бесчисленных миров.

Млечный путь

Мильоны звёзд, мильоны и мильоны!
Неистошимые, не ведая препоны,
От беспредельности сверкают и текут,
Созвездия покров над вечной бездной ткнут.
Мильоны солнц льют свет и жизнь дают планетам;
И каждый атом – мир; и бьётся в мире этом
Бесчисленных сердец согласный, дивный хор;
Во всех сердцах любовь и блещет каждый взор
Надеждой, верою, сознаньем и отвагой
И в каждом Идеал, и Красота, и Благо.

Бесконечность

Я – грань для всех существ, пределы бытия.

Бог

Все станет тению, едва лишь дуну Я.

Отрывок из поэмы «Часы бессмертия. Исторические картины Смоленска»

Восходят венценосные гиганты
Бросая руки красные друг другу,
Карабкаться друг другу помогая
На вечные смоленские холмы.
То не гиганты – башни то и стены,
Кирпичные всползают крокодилы,
Зубчатую вздымаяся стеной.

Так тридцать пять столпообразных башен,
Оградой мудрой город замыкая,
В водах Днепра повисли, отражаясь
В его струистых безднах, где кипя,
Бурлит вода и рыба сом таится,
Прожорливую пастью ищет жертвы –
Кровавой жертвы – плоти человеческой.

О, для чего взаимное пожранье,
Борьба, грызня, война царит в природе?
Иль жертва непрерывная нужна,
Чтоб мир стоял, а хищник, торжествуя,
Свою погибель только накликает,
И правда жизни все ж ненарушима?
Смоленск! Смоленск! Опора грозной власти
Московского царя! Замок земли!
Твердыня, утвержденная святыней
Путеводительницы чудотворной
Великой Одигитрии святой!
Ты, мать света! Ты, Отроковица,
Невеста невестная Господня,
Преосени покровом город крепкий
Святой своей иконе предстоя!
Обложен город тяжкою осадой.
Раскинул лагерь старый Сигизмунд.
Круль Польский и Литвы Великий Князь
С бесчисленною ратью подступил,
Чтоб посадить сынка на трон Московский,
Где Дмитрий Самозванец так недолго
С волшебницей Мариной посидел

И призраком кровавым учинился,
И стал двоиться призрак, и троиться,
Обманом очи людям ослепляя,
И стал шататься призрак по Руси,
А вся она и кровью, и слезами
Залилася, и выгарки пожаров,
И дым, и лютый смрад ее покрыли...
...Но крепок град Смоленск, и верен богу,
А Шеин-воевода не сговорчив.
Недели, месяцы идут в осаде,
Бьют стены неотступные тараны,
Пробить не могут тот кирпич железный,
Что плитами с подошвы облицован.
Ночь каждую идут на приступ вои,
Полки Литвы и панцырные Польши,
Коиx со стен смоляне угощают
Кипящим варом и свинцом, камнями,
Палят они из пушек, из пищалей,
Пока хватало зелья. И отбиты
Уже не раз, поляки отдыхают.

В глубине ручья прозрачной
Ходят маленькие рыбки.
Бросишь камешек – сверкнут,
И мгновенно попадут.

Так в очах твоих порою
Я любовь и грусть читаю,
Но спрошу тебя – и вот,
Всё мгновенно пропадёт.

Лествица

От юности презрев молву и прелесть света,
Бежал я с грешными содружеств и совета,
Но старца мудрого, как некий изумруд
Найти я прилагал все тщание и труд.
Кто в созерцаниях святых, непреткновенно
Проводит жизнь, поправ гордыню плоти тленной,
Отца, наставника подвижнических дел,
Кто б указал мне путь в желаемый предел.
Но тщетно обходил пустыни я и грады –
Нигде не обретал спасительной ограды.
Весь мир во зле лежит и служит сатане.
Куда мне убежать? Куда сокрыться мне?
И у самих телес отшельников нетленных
Я видел алчных псов, на золото распаленных.
И демоны, надев подвижников наряд,
Чревоугодие и тайный блуд творят.
Среди толпы ханжей и наглых лицемеров
Каких искать могу спасительных примеров?
Тогда от ног своих отряс я самый прах
И одинок пошел спасаться в сих горах.
Мне одр – сухой тростник, пещера мне жилище,
Наставник – череп сей, плоды лесные – пища.
Пусть стаи демонов слетаются к горе, –
На страже я стою, вознесши ум горе.
Лукавым у того не обрести ловитвы,
Кто держит помыслы на пламени молитвы.

2

Однажды в полночь я вздремнул на малый час.
Вдруг: «Выйди, Иоанн!» извне сказал мне глас.
Я спросил: «Кто ты?»
– Служитель горней славы
Пришел тебе открыть спасения уставы
И возводящую от скорби бытия
На небо лествицу.
И усумнился я.
Нет божий посланец грехов не стерпит смрада
Бесчисленных моих. То верно бес из ада.
Вид светлый ангела лукавый принял дух...
Не верь?! Закрой пред ним свой ум, и вздор, и слух!
Гони, гони скорей сей помысл горделивый!
Но Ангел мне сказал:
– Злой раб и нерадивый!

Что медлишь? Сам Господь к тебе послал меня.
И я поверил вдруг и вышел не косня.

3

И вижу: Муж крылат и тихий свет от лика.
И вывел Ангел тот меня среди великой
Пустыни и по край небес была она,
Как лоно тихих вод, безбрежна и ровна.
Ни камня, ни холма, ни хижины, ни древа,
Лишь крыл курясь туман ее нагое чрево;
И в трепете огней полуночных светил.
Небесный свод над ней вращался и светил.
«Что видишь, Иоанн?» – меня спросил бесплотный.
«Степь...» – я отвечивал в сомненьи неохотно.
«Еще кругом взгляни!» Я посмотрел и вдруг
Подобен стал тогда земли великий круг
На темное стекло иль вешнее зеркало,
И отраженное в нем небо замерцало.
И бездна подо мной разверзлась мглы полна
И в ней багровые клубились пламена,
И вся дымилась, как чаша из агата
С волшебным куревом, оправлена богато.
И лестницу тогда увидел я, дивясь –
Она вершиною до неба вознеслась,
А низ в великое зеркало упирался,
И образ лестницы в нем как бы отражался,
И в бездну мрачную спускалася она
И там касалась курящегося дна.

4

И вот по ступеням, что в небеса возводят
Святые Божие восходят и нисходят
И духи чистые стоят на ступенях:
Трепещет радуга на сложенных крылах;
Одежды белы их как свет и как зарницы
Сверкают тех мужей орлиные зеницы;
Из пламени венцы сияли на главах;
Дымясь, кадельницы звенели в их руках,
И ширясь плыл вокруг ног их фимиам клубами,
И сами светлыми казались столпами.
Вся лестница в дыму сверкала как кристалл,
Сафир и аметист на ступенях блистал,
Смарагд и гиацинт, и яспис, и бериллы;
Плетницы лилий, роз как бы ее перилы
И хор таинственных незримых умных сил

Над ней песнь сладкую Сокрытому гласил.
Гремел их глас как гром, слабел и затихали.
Тогда кадилъницы звеня благоухали.
И разноцветные над лествицей лучи
Пересекались, как быстрые мечи,
Мужами брани изощренные для битвы.
Лежали как роса на лествице молитвы
И светлость горняя являлася над ней
Как море пламени. И Дева меж огней
Достигших на свою воспринимала выю.
В той Деве я узнал желанную Софию.

5

Я опустил лицо, небесной ослеплен
Мой ум, как вынутый младенец из пелен
Бессильно трепетал. О, мне ль подняться дерзко
По горней лествице! И тут дохнула мерзко
В лице мне бездна преисподняя, стократ
Всех смрадов на земле смрадней был адский смрад!
Баgroва и жарка разверзтая утроба!
Горе – нетленный Рай, а телу – Ад и оба
Влекут меня к себе... И блудна, и пьяна,
Как чаша полная горячего вина,
Мне бездна адская кружила ум, и гадоk
Был смрад ее душе моей и вместе сладок.
И хохот, визг и стон из бездны вылетал.
Огнями яркими кромешный Ад блистал.
И мужи, и жены, и юноши, и девы,
Руками соплетясь, под блудные напевы
Нисходят лествицей пороков и грехов.
И падших видел я на ней толпы духов.
И крылья их черны, и взоры сладострастны,
Они обнажены, коварны и прекрасны.
Ужасен алых уст жестокий, наглый смех!
Движенье каждое рождает смертный грех!
Обьятъя их – огонь и поцелуи – жало.
И мимо них толпа безумная бежала.
В курениях на дне несытая жена
В баgroвом пламени стоит, обнажена,
И всех, великая блудница Вавилона,
Приемлет на свое клокочущее лоно.

6

Я очи отвратил. Спирался дух в груди.
И Ангел мне сказал: «Мужайся. Восходи».